

Борис Бужор

**Без
происшествий**

Борис Бужор
Без происшествий

«Издательские решения»

Бужор Б.

Без происшествий / Б. Бужор — «Издательские решения»,

Из-под пера Бориса Бужора вышло нечто захватывающее и удивительное — по переплетению жанров и мастерству, с которым автор сумел увязать в короткой форме фантасмагорию и реализм, безобразное и прекрасное, иронию и тонкую лирику.

Содержание

Без происшествий	6
2	17
3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Без происшествий

Борис Бужор

© Борис Бужор, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Из-под пера Бориса Бужора вышло нечто захватывающее и удивительное – по переплетению жанров и мастерству, с которым автор сумел увязать в короткой форме фантазмагорию и реализм, безобразное и прекрасное, иронию и тонкую лирику. И всё это изложено взглядом нового поколения XXI века, время ощущается в рассказе очень и очень чётко.

По своей стилистике «ПоТоП» близок к «Мастеру и Маргарите» Булгакова, во многих отрывках это чувствуется отчётливо, только на современный авторский лад. Сатира, ирония, явный гротеск... «Пушкин – наше всё», – утверждает его герой. И его мысли-скакуны тут же переключаются на «тему коня»: «Кони снова понеслися, колокольчик динь-динь-динь», «Ох, что-то кони мне попались привередливые», «А как же кони?» – недоумённо вопрошает он в какой-то момент.

По проблематике художественных задач «ПоТоП» как бы «вневременной», поднимает извечные темы добра и зла, жертвенности и предательства (это характерно для всей прозы Бужора: «под боком у героев всегда гнездятся предатели», рассказ «Магелан») и вместе с тем, чётко отражает состояние России сегодняшней, живописует нашу реальность. Переходы «из грани за грань» выполнены автором очень и очень тонко, с большим мастерством, без видимых «швов». Этот литературный приём Борис Бужор позже разовьёт в других своих рассказах и повестях.

Приятно отметить, что в прозе Бориса ярко выражено мужское, brutальное начало, которое проявляется и в подборе тем, и в стилистике языка, и в поступках его персонажей. Его герои – армейские срочники, лейтенанты, деревенские пацаны, мечтающие открыть неведомые новые земли. Подобно водопаду, его проза обрушивает привычные стереотипы, подхватывает и увлекает вслед за собой.

Читая мастеровитые, крепкие произведения Бориса, понимаешь, что в России есть не только мужчины-литераторы, но и настоящие мужики, способные доказывать свои идеи поступками.

Татьяна Щеглова

Без происшествий

Дождь зарядил с самого утра. Он даже не идет, а висит в воздухе, как старая застиранная занавеска. Ты прислоняешь метлу к фанерному щиту с правилами строевой подготовки и уходишь с плаца. Вваливаешься в казарму – обветренное лицо сразу же начинает гореть, – сворачиваешь к столу дежурного, берешь листок. Из бытовки появляется Квас и сообщает:

– Вторая, можешь не смотреть. Снова со мной. И после обеда, и ночью.

– Это хорошо, – угрюмо бросаешь ты. Так чаще всего и бывает. Патрулирование периметра, той его части, что находится в лесу. Бетонный забор с колючей проволокой, подальше от всего этого, поближе к самому себе, и катись все ко всем чертям... Значит, спать сегодня всего три часа. Напарником ты доволен – Квас надежный, да и поговорить с ним есть о чем. Плохо, что вторая смена. Ночью холод собачий.

Половина роты сейчас на уборке, воюет с остатками листвы на плацу и дорогах. Одни наводят порядок в казарме, двигают допотопные двухъярусные кровати, другие трут песком и пеной «взлетку»... Дембеля в «классе информации и досуга» смотрят телевизор. Ты вешаешь бушлат, зачем-то заходишь в класс; увидев взводника, сидящего за первой партой, обращаешься:

– Товарищ старший лейтенант, разрешите войти?

Взводник – мужик справедливый, строит только по делу, уставом не давит... Бакенбарды придают ему вид эдакого бравого гусара. Не отрывая взгляда от экрана, он кивает головой.

Ты устраиваешься за последней партой, «деды» косятся, но при старшем открыто возмущаться не решаются. Они убивают взглядом. Ты думаешь, что зря попробовал так открыто забить на ПХД, хотя по негласному закону вроде как и вправе. Потом замечаешь некоторых своего призыва – им, кстати, сейчас тоже положено что-то там мыть, скоблить и чистить, а не гаситься здесь. Ты мог бы запросто оказаться на их месте, если бы в свое время подсуетился. Но ты был то ли слишком упрям, то ли, скорее всего, просто глуп... Ты с сожалением встаешь с почти нагретого места:

– Товарищ старший лейтенант, разрешите выйти?

«Гусар» снова равнодушно кивает.

Коридор засыпан песком, залит пеной. На полу – черные полосы. Оттираются они ногами, долго и нудно. Ты делаешь правой ногой несколько движений, втираешь песок в пол и смотришь по сторонам. Что будет дальше, ты уже знаешь.

Два дембеля выплывают из класса и направляются напрямик к тебе. Здоровенный ефрейтор и низенький задохлик – рядовой; в нем неприятно все, но особенно – толстая, какая-то жабья губа, которая придает его физиономии совершенно идиотский вид.

– Ты что, ефр (это к тебе), совсем нюх потерял? – подваливает большой.

Ты молчишь.

– Хули ты ПХД не наводишь, – это уже второй, жабомордый. – Что, дембель жопу давит? Может, служба медом кажется, ну так я тебе могу устроить веселуху, а то я гляжу – расчувствовался ты. Мы в свое время...

Ты молчишь.

– Да он еще и службы-то не видел, – поддакивает первый.

– Это точно, – азартно подхватывает Жабя, – мы в свое время полы с пеной по три раза перемывали. Или ты думаешь, полгода отслужил и все, пусть теперь другие напрягаются? Да ты у меня вместе с духами крутиться будешь, как бобик. Ваш призыв вообще растащенный. Карманы хоть раз зашивал, а? Вот чтоб к вечеру зашил, лично проверю.

Ты особо не вникаешь в их слова. Они вешают тебе то, что когда-то вешали им, что скоро и ты начнешь вешать, если так же ссучишься.

Похожий на жабу все никак не уймется, талдыча одно и то же:

– Мы в свое время все карманы зашивали. Вам повезло, что вы наших дембелей не застали, вы тут тогда полетали бы.

Ты молчишь.

Жаба перестает ехидно улыбаться. Выпятив для пущей важности подбородок, он лениво предупреждает, что ночью в сушилке с тобой поговорит. Потом смотрит на большого, тот кивает, давая понять, что одними разговорами ты не отделаешься.

Становится не по себе, но не от страха физической боли. Тебя пугает что-то другое, какое-то дикое ощущение себя не в своей жизни. Неужели вот этот ссутулившийся посреди коридора стриженный парень в нелепой военной форме и есть тот самый человек, про которого ты можешь с уверенностью сказать: «Это я»?

Дембеля скрываются в бытовке. Оглушительно хлопает дверь.

Построение на обед. Сержант рявкает:

– Равняйсь!

Солдаты вытянулись, расправили плечи. Пара матерых дембелей вольготно стоят, как стояли.

Какой-то бедолага из второго взвода шевельнулся в строю. Сержант это замечает и кричит ему:

– С тылу!

Тот падает. Едва он касается земли руками, как тут же следует другая команда:

– Отставить! – а потом бесконечное: «с тылу, отставить, с тылу, отставить»... Солдат падает, резко встает, снова падает. Так продолжается до тех пор, пока кто-то из старшего призыва не зевает, давая понять, что пора бы уже и заканчивать.

– Равняйсь! Заправиться!

Ты поправляешь шапку, сдвигаешь ее пониже на лоб. Потом быстро подтягиваешь ремень. Поскорей бы эта тягомотина кончилась, есть хочется – сил нет.

– Ра-вняйсь! Смир-но!

Странный говор у сержанта, интересно, откуда он родом? Поговаривают, что с Костромы... И кликуху прилепили соответствующую: «Кастро». Пока сержант называет дежурного, потом помощника дежурного, потом – посменно – патрулирующих, тревожную группу, дневальных, наряд по столовой, на работы и так далее, Степа – радист из твоего отделения – тихо гнусит старушечьим голосом:

– Кострома, Кострома-а, государыня моя...

Ты с трудом сдерживаешь улыбку. Рядом хихикают.

Сержант уходит с докладом к дежурному офицеру. В строю начинается скучающий шумок, кто-то из второй шеренги толкает стоящего впереди, тот оборачивается, бьет в плечо. Во втором взводе в ход идут всякие шуточки вроде щелбанов и подзатыльников. Сержант, как назло, задерживается – дежурного офицера нет ни в канцелярии, ни в каптерке, ни в комнате информации и досуга.

Наконец Кастро появляется и уверенно командует:

– Головные уборы снять!

Ты выполняешь команду недостаточно быстро, и сержант сверлит тебя суровым взглядом. Однако не придирается. Ты выбрит, стрижен по всем правилам, кантик – прямо загляденье, берцы начищены; но самое главное – Кастро твоего призыва.

Сержант важно поправляет значок дежурного на груди:

– Справа по одному проходим, приятного аппетита!

В ответ стройным хором:

– Спасибо!

В столовой все рассаживаются по принципу «кто с кем дружит», а не так, как надо бы: по взводам и отделениям. Как-то раз за это твоей роте устроили «космический обед» – сидели вы медведями на ярмарке и смотрели, как другие жуют, а сами слюной давились. Потом этот случай понемногу забылся, и все стало как прежде.

Что сегодня на обед? Суп гороховый, «болты», на третье – кисель в жестяных кружках. Твое привычное место – у окна. Рядом «столик именинника». На нем – веселенькая клеенка с цветочками, как на семейных трусах и пузатый самовар, красивый, но бесполезный. Просто утварь. Ты делишь слово на «у» и «тварь», вспоминая старшину, который его туда поставил. У самовара на твоей памяти ни один именинник ни разу не сиживал... Зато частенько нахально дремал повар, румяный от кухонного жара.

С тобой за столом – Степа, Квас, Горелый. Ты берешь с тарелки горбушку черного хлеба, ту, что потолще. Из охрипшего приемника еле слышно доносится музыка:

Следи за ее левой рукой,
она не расскажет, что хочет на плечи,
ебанутый пацан, ты спутник – разведчик,
запрятанный герой...

Ну и песня, набор слов. Ты продолжаешь вслушиваться и вдруг понимаешь, что поют про тебя. Да что там про тебя, поют про всех этих вот, стриженных, стучащих ложками, глотающих за милую душу подгоревшую перловку. Обрывки мыслей складываются в довольно-таки ясную картинку: рука левая, правое колено, ты тут – она там, далекий солнечный лес, теперь – учения, ориентирование на местности, вывод: это все о тебе, потому что ты и впрямь, наверно, ебанутый, раз оказался здесь.

Обед подходит к концу, дождь – нет, в столовке сумрачно, хотя времени всего-то около двух. Кто-то наспех что-то дожевывает, кто-то просит добавки... Сегодняшний повар – простой парень, не скупится, не то что Бык, его напарник. Тот расхаживает в белом колпаке, как в краповом берете, с таким видом, будто вся столовая принадлежит ему. Осталось этот колпак еще на левую сторону «забить». И ладно бы он просто жался из-за лишнего куса хлеба или тарелки супа – нет, Быку вылезти из своего поварского угла и чего-нибудь долить-отрезать не позволяет тупое, и впрямь бычье высокомерие.

– Заканчиваем прием пищи, – командует Кастро. – Встаем, относим посуду.

За послеобеденный перекур надо успеть передать сигареты дежурному, тот пронесет их мимо командира роты и после проверки по-тихому отдаст тебе. Хотя если командиру стукнет в голову, он и Кастро обыщет. Лучше спрятать в автомате или в подсумке. Эх, маловато осталось, надо бы еще настрелять.

– Третья смена, строиться возле КХО!

Ты спокойно докуриваешь, зная, что никто особо торопиться не будет. Квас вообще в туалете, разводит кого-то на зажигалку. Когда все наконец строятся, дежурный, косясь на канцелярию, открывает комнату хранения оружия. Раздается громкий рев сигнализации. Ну и вой, мертвого поднимет, даже пьяного в стельку старшину после бани, что в принципе одно и то же.

– Номера пирамиды? – вопрошает Кастро.

– Пятая! – чеканит Квас.

– Вторая! – говоришь ты.

– Третья, быстрее давай! – к сержанту преувеличенно раздраженно обращается белобрысый дембель, что ты, он же на полгода больше отслужил, чем Кастро! Макар тебе никогда не нравился. В свое время он крепко получал, теперь вот отыгрывается, пыжится изо всех сил. Высокий, худой, нескладный, как вешалка. Похож на слона с картины Дали. Ты смотришь на Макара и думаешь, что однажды его шаткие «ходули» не выдержат веса тела в толстом буш-

лате, да еще и с автоматом. Он заорет, неуклюже взмахнет руками и рухнет, и вместе с ним покатыся в тартарары и вся эта дурацкая армия.

– Пятая, – добродушно басит Степа. Рядом с ним топчется придурковатый Зоги, татарин по фамилии Загидуллин, местная достопримечательность.

Зоги даже для твоей части, где кого только нет: и татары, и башкиры, и ногайцы, – явление уникальное. Татары вообще умные, как черти, этот же... Взять хотя бы тот случай с метанием боевой гранаты.

Норматив метания гранаты сдавался на стрельбище. Первый инструктор вручал гранату-РГДшку, второй около бетонного укрепления показывал на окоп, в который надо было попасть, и советовал не трястись, чтобы, грешным делом, не швырнуть гранату себе под ноги – уж лучше перекинуть, чем не добросить. Того, кто сам не додумался укрыться за бетонной стеной, затаскивали туда, схватив за шкуру. Но Зоги переплюнул всех. Гранату он метнул неплохо, и, должно быть, на радостях, выпрямившись во весь свой немалый рост, заковылял в сторону окопа с лучезарной улыбкой буддийского монаха, словившего просветление. Ты стоял вдалеке, но сердце у тебя икнуло и куда-то провалилось. Комбат схватился за голову, офицеры замерли. Хорошо хоть инструктор не растерялся – прыгнул на недалеко ушедшего Зоги, сбил его с ног умелой подножкой и сам упал сверху. От комбата тогда досталось всем. Ночные подъемы по тревоге по полной боевой сменялись бесконечными лекциями. Армейская жизнь Зоги, и без того неказистая, окончательно пошла наперекосяк.

Толчок в плечо возвращает тебя к действительности. Автомат, два магазина, пачка сигарет спрятана в подсумок. Зоги, как обычно, последний – штык-нож прицепил не с той стороны.

Кастро улыбается. Зато разоряется Макар:

– Ну, затупок... Зоги, ты где лево, где право хоть знаешь? С ручника снимись, – делает характерный жест рукой и сам ржет над своей шуткой.

– Становись! Равняйся! Смирно! Равнение на пра-во, – командует Кастро.

К вам не спеша подходит командир роты. Вы стоите навтыяжку, стараясь не встретиться с ним взглядом.

– Ну что, запаслись куревом? – он кривит тонкие губы в саркастической усмешке, глазки радостно играют. – Дежурный, проверить.

Кастро аккуратно похлопывает по карманам Степиного бушлата – не дай Бог ненароком наткнуться на зажигалку. А уж если обнаружится телефон, это вообще смерти подобно.

– Разве так проверяют, – гаденько ухмыляется ротный, – что ты их щупаешь, как девочку на танцах?

Он вразвалочку подкатывается к Степе с таким видом, будто ему все про Степу известно. Абсолютно все. Даже то, что пятиклассник Степушка подбирал бычки за школой, а как-то раз даже стянул в столовой бублик с подноса.

Ротный заставляет Степу вывернуть карманы и поднять руки. Тщательно проходимся по всем складкам на одежде, где можно что-то спрятать.

Наступает очередь Зоги. Ротный бьет его в грудь и прищуривается.

– Ну-ка, что это там у тебя?

– Ничего нет, – обмирает Зоги.

– Я тебя долго ждать буду?

Зоги кое-как расстегивает бушлат, трясущимися руками шарит за пазухой. Ротный хватает его за грудки, китель угрожающе трещит. Пуговицы со стуком падают на пол, катятся, разбегаются как тараканы. Из-под белуги вываливаются три сигареты. Ты замираешь. Сейчас начнется.

– Подними!

Ротный выхватывает сигареты из потной ладони Зоги и вдруг с остервенением начинает заталкивать их ему в рот, тот невольно сжимает зубы, втягивает голову в плечи. Сыплется

табак. Ты замечаешь, что это «LD», тебе становится жалко. Жалко Зоги, жалко сигарет. Зоги потихоньку отплеивается, кашляет. Лицо бессмысленное и испуганное. Командир роты сует остатки ему в руки.

– Жуй, жуй, – кричит он, от наигранной улыбки не остается и следа, ноздри крючкова-того, резко очерченного носа хищно вздрагивают. – Что, хорошо курится на свежем воздухе? То-то, я гляжу, весь периметр загажен. После смены приходите, разоружаетесь и бегом бычки собирать. Не подавись, сынок, – это он Зоги. – Мы ничего – постоим, подождем, а вторая смена пусть там померзнет. Я им потом скажу: так и так, извиняйте, ребята, некоторые курить у нас полюбили в патруле.

– Дебил, – шепчет Макар, презрительно косясь на Зоги. Сам он перед построением засунул в берцы чуть ли не целую пачку. И мог бы так же попасться, если бы ему не повезло. Но не повезло, как обычно, Зоги.

– А ты покурить взял? – щурится ротный, уставившись на тебя.

– Никак нет, товарищ капитан.

– Что это? – «товарищ капитан» придвигается к тебе вплотную и начинает обыскивать.

– Расческа, – как можно спокойнее отвечаешь ты.

В подсумке под магазинами и ветошью у тебя спрятана пачка «Авангарда». Нашупать ее не так-то просто, но если прикажут расстегнуть подсумок, то... Ты стараешься ничем не выдать своего волнения. Кажется, стоит только ротному почувствовать твой страх, и он как собака вцепится тебе в штанину. Ротный отходит. Ноги сразу становятся ватными. Ты ловишь на себе понимающий взгляд Степы.

Дождь и не думал прекращаться. Мутное небо похоже на потолок полевой палатки. Командир роты хорошо поставленным голосом зачитывает боевую задачу, прислонив правую руку к шапке. Офицерская кокарда даже без солнца сияет, как начищенный пятак.

– Приказ: заступить на городскую контролируемую зону; не допустить проникновения нарушителя на объект, службу нести при помощи патрулирования, связь с оператором держать каждые десять минут, обо всех происшествиях сообщать немедленно. Оружие применять в соответствии с настоящим уставом. Службу все могут нести?

Зоги скомкан от ветра, свой бушлат он успел кое-как закрепить на груди какой-то ниткой, которая наверняка скоро порвется.

– Так точно!

– Напра-во! На службу шагом марш.

Колонна, возглавляемая дежурным, строевым шагом начинает двигаться к разряжателю. Ротный скрывается из виду, вы переглядываетесь и идете свободно.

Ты пристраиваешь автомат в специальный проем в доске. Снимаешь с предохранителя, отводишь затвор, делаешь проверочный выстрел, снова ставишь на предохранитель. Потом пристегиваешь магазин, тот, что без патронов, автомат закидываешь на плечо.

– Магазины хоть пустые прицепили? – наполовину в шутку, наполовину всерьез спрашивает Кастро.

Потом он открывает ворота. За ними начинается узкая дорога, стиснутая с двух сторон все тем же забором с колючей проволокой. Тяжелые створки ворот захлопываются за спиной, и на тебя опускается забытое чувство абсолютного покоя. Даже в редкие минуты отдыха ты всегда был готов к любым неприятностям. Даже ночью, в казарме, натянув на себя одеяло, ты просто проваливался в черную пустоту, чтобы уже через минуту вскочить, ошалело озираясь, от крика «Подъем!». И с удивлением обнаружить, что за окном теплится серенький рассвет. А сейчас – все, впереди четыре часа почти полной свободы.

– Патруль вышел, – сообщаем ты в трубку возле калитки.

– Хорошо, – голос оператора доносится как с другой планеты. Кажется, что вас разделяют сотни километров.

Периметр. Вы становитесь в ряд у контрольно-следовой полосы, справляете малую нужду. Традиция есть традиция, а потом ты и Квас поворачиваете направо, Степа, Макар и несчастный Зоги – налево. Он на ходу поправляет китель и бушлат, кое-как перехватив их ремнем.

Четыре часа наедине с собой. Четыре часа можно никуда не торопиться, перебрасываться с Квасом ничего не значащими фразами. Или просто молчать. Молчать и думать. О чем? Настоящее и ближайшее будущее, по сути, ничем друг от друга не отличаются. От них уже и так с души воротит, голову еще себе забивать... А то «прекрасное далеко», которое ждет тебя там, после дембеля, так прекрасно и так далеко, что, кажется, тебя и вовсе не касается.

Такие вот дела. Остается прошлое. Сразу вспоминается обычный вроде бы армейский треп, чей-то вздох, дескать, вот житуха была на гражданке, Степин веселый басок: «Ну-ка, колись. Давай, не жмись, поведай боевым товарищам, на какой такой гражданке тебе так хорошо жилось?»... Кроме шуток: самыми искренними, редкими, а потому особенно памятными были такие вот разговоры «за жизнь», когда каждый возвращался к тому, что здесь называют «до армии»... Мыслями о том, что будет дальше, как-то не принято было делиться, да и когда оно еще наступит и каким будет, это неведомое «завтра».

Ветер пробирает насквозь, как будто от одной пуговицы бушлата до другой так же далеко, как отсюда до дома. Автомат то и дело соскальзывает с плеча, ты вешаешь его на шею и крепко сжимаешь руками. Впереди двадцать четыре километра – двенадцать туда, двенадцать обратно. Раз-два, Раз-два. А ведь было когда-то: костер, друзья – приятели, жаркий полубморочный август. Она неправдоподобно воздушна. Раз-два, раз-два. Очень приятно – взаимно. Прическа-одуванчик, джинсики, маечка, кеды на босу ногу. Раз-два, раз-два. Ты как никогда вдохновлен и раскован. Раз-два.

Квас неожиданно спрашивает:

– Ты чего?

А ты в ответ:

– Задумался. Доставай.

Квас ловко скидывает автомат, снимает коробку и вынимает спрятанную под возвратный механизм зажигалку. Ты в свою очередь лезешь в подсумок, находишь заветную пачку. Закуриваешь и прикрываешь сигарету ладонью.

Слова тогда давались тебе легко – красивые, ничего не значащие слова. Ты балагурил. Она с готовностью улыбалась каждой твоей шутке. И было, было... Квас нагужно кашляет и сплевывает желтый комок себе под ноги.

– На гражданке я б такое сроду курить не стал, – комментирует он.

Ты оглядываешься на напарника – лысого, со шрамом на лбу. Как же не похож он на беспечных пацанов из того лета, как же ты сам не похож на себя тогдашнего.

Август выстилал дороги горьковатым дымом далеких торфяных пожаров, звездами, яблоками. Вы бродили по старому парку... столетние тополя, вязы... шуршали до времени опавшей листвой... и засыхающие яблони. Ты подобрал с земли восковое крутобокое яблочко, потер его об рукав рубашки и с хрустом надкусил. Рот наполнила тягучая кисло-сладкая свежесть. Ты подбросил яблоко в воздух – сверкнула белая сахаристая мякоть – и ловко подбил его носком ботинка. Зеленый мячик прошелестел в листве и упал в траву.

Затяжной сигнал нарушает тишину, ты, кажется, даже заснул на ходу. Такое уже бывало. Ты снимаешь с ремня телефонную трубку и подключаешь ее к металлической коробке извещателя. Дождавшись голоса оператора, отвечаешь:

– Товарищ оператор, в патруле без происшествий, старший патруля ефрейтор...

– Ты куда пропал?

– Никуда, – ты невозмутим, – извещатели ж не все работают.

– Давай второго!

Ты протягиваешь трубку Квасу, тот морщится и нехотя докладывает:

– Младший патруля рядовой Кваснов, – отключает трубку. – Прапору хорошо, жопу пригрел, а нам тут втухай под дождем. Какой смысл то и дело трезвонить, куда мы, на хрен, денемся с подводной лодки?

Побег с периметра – дело, конечно, гиблое. Полк поднимут по тревоге, все пути перекроют. Только вот ополоумевший солдатик с боевым оружием в руках и за короткое время может таких дел натворить, что чертям тошно станет. Так что, товарищ прапорщик, торчите в своей дежурке, каждые пятнадцать минут получайте доклад о том, что «в патруле без происшествий»; потерпите еще годок-другой, а там, глядишь, и долгожданная пенсия.

То зеленое крутобокое яблочко неожиданно вспомнилось тебе с месяц назад на затянувшихся разведучениях. Заканчивалась вторая неделя полевого выезда. Машина за вами почему-то не пришла, оставалось переждать еще одну ночь. Животы подвело от голода. Взводник достал из вещмешка яблоки и, по-братски поделив на всех, роздал их вместо ужина. «Ешьте, ребята, ешьте», – приговаривал он, словно речь шла не о маленьких сморщенных яблоках, а о чем-то очень важном.

Себе Гусар не оставил ни одного.

Мысли идут своим чередом. Ты облизываешь разбитые в недавней стычке губы и думаешь, что все могло быть и куда хуже. Вот линейная рота, например – семьдесят солдат-стрелков, вечно бухие взводники, контуженый замполит и ротный, которого из штаба полка выперли все из-за той же пьянки. Недавно на вечерней проверке кто-то толкнул кого-то из другого взвода... и понеслось. Стенка на стенку, дежурный в растерянности. Там, в «линейке», говорят, до какого только маразма не доходит. Одному перед патрулем дежурный подкинул шоколадную конфету, сам же ее нашел во время обыска и поставил пацана на деньги, чтобы замять вопрос о «злостном нарушении устава». Верить в это или нет, ты так и не понял. Хотя нечто похожее случалось и с тобой. Раз в патруле ты присел на какие-то плиты и не заметил, как вырубился. Нелегкая принесла кинолога с проверкой. Он катил на велосипеде, рядом бежала собака – немецкая овчарка. Ей было все равно, а вот прапор так надрывался, что хоть самого на цепь сажай. Рыча беззубым ртом и сверкая лысиной, «собачник», не церемонясь, потребовал, чтобы ты, предатель и дезертир, зашел к нему после смены. Что это значит, тебе уже рассказывали. Отстегнешь товарищу прапорщику сотку-другую с зарплаты, и никто ничего не узнает. Ты уперся. Чуда не случилось, начальнику роты донесли, и он лишил тебя зарплаты полностью.

Что-то подступает к горлу, то ли тоска, то ли тошнота от уставных сигарет. Дождь все не кончается, даже не верится, что уже декабрь.

Первый снег выпал в конце ноября. Погода, казалось, окончательно установилась, ударили нешуточные морозы. В один из таких пронзительно-белых, морозных дней по прихоти старшины был устроен внеплановый «подрыв». Как потом выяснилось, ничего общего с боевыми учениями он не имел, и командование штаба чересчур ретивого старшину по головке не погладило. Но это было потом, а тогда... Суета и давка в КХО, кто-то что-то забывает, возвращается обратно, перекрывая и без того узкий проход к пирамиде, кто-то с грохотом роняет автомат. Столпотворенье, мат, окна в спешном порядке закрываются темными шторами. Ты выскочил на плац в расстегнутом бронежилете, в перекошенной «сфере», с пулеметом, под сумками для магазинов и гранат, восьмью магазинами, лопаткой, противогазом. По свежему снегу тянулись цепочки следов. Вы построилась по взводам, в колонну по три человека. Ты,

как и полагается старшему стрелку, стоял впереди. Квас тогда был в тревожной группе, группе захвата, он бегал с листком и ручкой, пытаясь подсчитать пулеметы и автоматы, и чертыхался. Ты смотрел на угрюмые, заспанные лица и вдруг с предельной ясностью осознал, что если бы тревога была боевая, всех бы давно перестреляли. Стало как-то по-детски, до слез обидно.

Старшина все не выходил. Магазины выскальзывали у тебя из-под кителя. Ты стоял, как и другие, как и все. Дальнейших приказаний не следовало.

Сыпал мелкий хлесткий снежок, руки немели от холода, ты уже с трудом удерживал скомканные подсумки. По шеренгам прокатился гул возмущения. Где он, тот, кто дал команду «Сбор»? «Завтракает», – последовал ответ.

Время шло. Коченея на ветру, ты представлял, как старшина сидит в теплом кабинете, не спеша пьет чай, мечтает о премии. Рано или поздно он, конечно, появится. Пройдется вразвалочку вдоль строя, нахмутив клочковатые брови, окинет суровым взором замерзших солдат и презрительно хмыкнет, вот, мол, щенки, учить вас надо. Потешит уязвленное самолюбие недоофицера, не сумевшего пролезть повыше.

Но в тот день все сорвалось. Назар, стоявший первым в колонне, молча направился в казарму, остальные последовали за ним. Послышались крики «Заходим!». Сержанты не стали никого останавливать, лишь напомнили, чтобы при входе брали автоматы за цевье.

Ты был почти у самой двери, когда те немногие, кто успел зайти внутрь, повалили назад. Орал, размахивая кулаками, разъяренный прапорщик. Самому высокому впереди влетело в «сферу», кому-то с ноги в бронежилет. Все высыпали на плац, снова построились в три колонны.

– Какая сука тут раскомандовалась, а?

Оглушительная тишина в ответ. До звона в ушах, до тошноты. Генеральский взор старшины остановился на Назаре. Он, сидя на корточках в снегу, безуспешно пробовал одновременно подобрать саперную лопатку, не уронить подсумок и не дать противогазу соскочить с плеча. Старшина пнул Назара, пытаясь сбить его с ног, но тот только бросил лопатку и противогаз. Удар в лицо, еще и еще.

– Что!? Свободу почуяли? – скалился старшина, все молчали. Ты тоже молчал, хотя стоял совсем рядом.

– Нам было холодно! – Назар упрямо поджал разбитые губы.

– Холодно?! – иронично переспросил старшина. На потемневшем от гнева лице еще сильнее выделялись глубокие морщины, придавая старшине совсем уж злобный вид. – Да вы, твари, еще службы не видели. Что, самостоятельными стали, воли захотели? У меня тут цель одна – сделать из вас солдат, а солдаты в первую очередь должны выполнять приказ. Я вас сгною, будете у меня окопы целыми днями копать, а потом обратно закапывать. Не верите, суки? Дембелями вы не будете, пока я здесь, максимум «котлами». Я тут один для всех вас дед. Еще у кого шапку на затылке увижу – на жопу натяну, неделю просрать не сможете.

Широкоскулое татарское лицо Назара выражало презрение. Он смерил старшину взглядом, отвернулся и сплюнул кровь на снег.

А ты стоял, утро разрывалось на морозном ветру. Тебе бы запротестовать, выкрикнуть: «Товарищ прапорщик, вы не правы», но ты не сказал ни слова. Тогда никто ничего не сказал. Только тоскливо взлаивала овчарка, привязанная к дереву. Ты понимал, что деваться некуда, прятал глаза, уныло прикидывая в уме, сколько же тебя еще ждет таких вот построений. Потом пришло странное ощущение, словно все происходящее не имеет к тебе никакого отношения. Так, сюжетец из какого-то второсортного дешевенького фильма. Все просто, как грабли: типичный герой-одиночка, типичный злодей, толпа на заднем плане. И вроде бы давно пора встать, заняться чем-нибудь, на худой конец, чайку попить, а ты все сидишь и безвольно пялишься в экран.

Шаг. Еще шаг. В берцах хлюпает вода – подошва наполовину отклеилась. До нулевой отметки осталось совсем немного. Ты узнаешь это место по раскидистому дубу за забором. Некстати вспоминается роман из школьной программы, ты так себя и не заставил его прочесть целиком. Было там, кажется, длиннющее описание такого вот дуба-великана... еще герой нравственно возродился и духовно эволюционировал, на него гляючи. Ты продолжаешь шагать, дуб остается за спиной. Хоть смотри на этот дуб, хоть не смотри, как бы он там ни цвел, ни облетал, никому от этого лучше не станет.

Перекур. И еще часа два на обратную дорогу.

Вы доходите до девятого участка и останавливаетесь. Ты подключаешь трубку, связываясь с оператором.

– В патруле без происшествий. Мы на девятом, – ты делаешь паузу. – Зависнем здесь, пока смена не придет?

– Лады. От извещателя ни ногой, если вдруг что – дам знать.

– Присядем? – обращаешься ты к напарнику. Тот молча кивает.

Вы с Квасом, неожиданно для тебя самого, стали кем-то вроде друзей. Ты усмехаешься, вспоминая, как тебя поначалу бесили его замашки, его туповатые шутки. А потом ты все это попросту перестал замечать. Вот так достанешь из нагрудного кармана сигарету, которую берег весь день, торопливо раскуришь на двоих и – странное дело – вроде уже и не чужие. Какая, к черту, «общность интересов»? Да он вообще за всю свою жизнь ни одной книги не прочел, и явно от этого не страдает, ну и что с того?

Вы находите узкие доски, спрятанные в пожухшей траве, садитесь на них спина к спине, поудобнее пристраиваете автоматы, развернув их дулом кверху.

– Будешь?

Ты оборачиваешься – Квас протягивает тебе карамельку. «Барбарис». Ты принимаешь подарок.

– Сейчас бы килограммчик таких вот конфет.

– Ну так! – одобрительно хмыкает Квас. – Надо на ночь что-нибудь заказать.

– Денег нет.

– Зайдем.

– У кого?

– Найдем.

– Через свинарник хочешь?

Товарно-денежные отношения предельно просты. Все совершается через посредника. Ты по-тихому суешь энную сумму рабочему свинарника, и уже к вечеру товар ждет тебя в условном месте на дороге к периметру. Такая вот теневая экономика.

– Сегодня мы на левом, можно самим.

Да, можно. Вот только чтобы постучать в окошко заветного зелененького киоска, нужно сначала сбежать с периметра.

Ты помнишь, как первый раз оставил боевую службу. Скинул автомат и боеприпасы младшему в патруле. Совсем как на разведучениях растянул колючую проволоку, чтобы ее звенья не соприкоснулись друг с другом, и не сработала сигналка. По каким-то буеракам выбрался на тропинку. Было сумрачное утро ранней осени. Ты пересек еще пару рубежей колючки, показала трасса. На обочине бабуся пасла облезлых коз. Ты поздоровался и, кажется, даже улыбнулся. Подошел к киоску. Хотелось всего и сразу. На одни только сигаретные пачки ты готов был долго-долго смотреть жадным взглядом мальчишки-коллекционера. Время поджимало, ты быстренько попросил «LD» и полкило овсяных печений, судорожно протянул скомканный, влажный полтинник. Продавщица, как назло, не торопилась. Ты тревожно оглядывался, как

заяц, готовый при первом же подозрительном шорохе сигануть в кусты. Потом... потом, уже с кульком в руках, мелкими перебежками вернулся обратно.

Не все походы за провиантом заканчивались столь удачно.

Казарма. Построение. Ротный меряет шагами коридор. В руках – целлофановый пакет с пряниками. В сторонке топчутся два незадачливых фуражира. Кинологи, поднятые по тревоге, поймали их прямо возле киоска.

– Вот за это, – командир роты поднял пакет так, чтобы всем было видно, – они продали Родину. Ну что ж, кушайте, а мы полюбуемся. Приятного аппетита, товарищи бойцы.

«Товарищи бойцы» краснели, бледнели и потели, переминаясь с ноги на ногу и теребя пакетик. Ротный взглянул на них с сожалением и глубокомысленно заметил:

– За пряниками с периметра бегать – на это тоже талант нужен. Хотя есть у нас тут такие... Самородки... Никто их вроде этому не учил, однако гляди ж ты, как наловчились! Правильно я говорю, товарищ ефрейтор? – и ротный с ухмылкой посмотрел на тебя.

– Так точно, товарищ капитан.

Ты звонишь оператору, докладываешь, спрашиваешь время.

– Слушай, – обращается к тебе Квас, – а ты чем на гражданке заняться хочешь?

– Не знаю. Первый месяц отдохну. Потом отец пристроит в фирму свою.

– Что за фирма хоть?

– Да так, продажа осветительных приборов. Фонари всякие и прочая ерунда.

– Нормально, – Квас зевает. – Что он тебя отмазать не мог?

– Да мог, только не захотел. Воспитательный момент. Из института я вылетел, ну и...

– А что так?

– Немецкая философия подвела... А у тебя кто родители?

– Трупы...

Твой автомат падает, задевает колючую проволоку. Сигналка вроде не сработала, повезло.

Ты поворачиваешь голову, разминая затекшую шею, и замечаешь на извещателе аккуратно сделанную надпись: «Скоро домой». Здесь вообще чуть ли ни на каждом дереве можно найти зарубки – чаще всего они обозначают, сколько месяцев отслужил тот, кто их оставил – или просто числа. Количество дней до дома. Горделивые буквы «ДМБ...» и год. Надписей много везде и разных. На деревянной вышке поста у люка нацарапано углем: «255 дней до дома», внутри на боковой фанере гелевым стержнем выведено: «Один в поле не воин», – сказал часовой и лег спать», а ниже: «Бери шинель, пошли домой». В сушилке на стене сияет: «Сегодня домой!», почерк торопливый, неровный. Каждый раз, видя эту коротенькую строчку, ты испытываешь к ее автору жгучую зависть.

Одна надпись тебе особенно запомнилась.

Работы на территории. Ты оказался не в той компании. «Котлы» прижали тебя в углу, кидать им деньги на счет ты отказался. Кто-то тебя толкнул. Ты кому-то двинул в обратную. Коротышка-сержант попытался ударить тебя головой в нос, да так неловко, что споткнулся сам. Били трое, ты отбивался, остальные стояли. Ты так и не упал, тебя не свалили. Но дело не в этом. Когда все закончилось, ты присел на корточки, кто-то протянул тебе платок. Ты был зол. Особенно бесило то, что неправым выставили тебя же. Из расквашенного носа падали крупные красные капли. И тут ты неожиданно заметил на кирпичной стене не совсем понятные слова: «...низвергни злословящих, дай волю праведным»... Были уже те, кто до тебя так же вот корчился здесь, сплевывал кровь на грязный бетон. И ты не последний. Так было, так будет, так есть.

– Сейчас бы сладкого чего захавать, – мечтательно тянет Квас. – Я все время, как с пацанами какого-нибудь сходняка ждал, йогурт покупал и шоколадку. Вообще по сладкому тащусь.

– Да уж...

Даже не верится, что когда-то ты бродил по супермаркету, равнодушно глядя на витрины со всякими тортами и соками. Сейчас, кажется, дай волю – и ты бы все на свете сожрал.

– А у тебя хоть кто-нибудь из родных есть?

– Ага. Брат старший. Такой пацан офигенный, здоровый такой. Я по сравнению с ним вообще пиздюк. Вот-вот письмо от него должно прийти, я звонил ему недавно. Еще посылку обещал прислать, – Квас довольно улыбается.

Ты молча киваешь. Посылка... Дом. Военкомат, формальная медкомиссия, автобус. Поезд, ничего не значащие слова «держимся вместе». Курс молодого бойца. Пробуждение за пять минут до подъема, с одной и той же мыслью: «Успеть одеться за сорок секунд». Оранжевые тарелки из пластмассы, гнутые ложки. Изумление при виде того, как прыщавый солдат из линейной роты крошит конфету и посыпает ею хлеб. Пришивание шевронов, две поломанных иголки. Воротничок. Толщина подшивной ткани и впрямь, оказывается, зависит от срока службы. Изматывающие построения. Вечерние прогулки с песней. Присяга, объятья родителей, фотографии на память, где ты совсем как те солдаты, которых показывают по телевизору. У них белозубые улыбки, они мужественны и опрятны. Автомат в руках. Сначала он был в диковинку, потом стал привычной обузой. Армейские блокноты со стихами про верность матери и неверность девушек. Бесконечная уборка. Наряд дневального, дежурного. Разборка автомата. Зарядка, кроссы. Тяжелое дыхание. Крик: «пятьдесят процентов раненных, до вертолетной площадки сто метров». Бронежилет, сфера, противогаз. Погружение в ледяную воду – вот-вот сердце остановится. Наглое: «Один!» или «Сигарета пошла!». Запрет курить. Долгожданная затычка украдкой, головокружение. Отбой.

2

Небольшая душная аудитория. Убеленный сединами профессор неодобрительно щурится на легкомысленные солнечные пятна, надувает дряблые щеки, тем самым прибавляя себе лишних лет пять к и без того почтенному возрасту. Белоснежные манжеты и воротничок, рубашка аккуратно застегнута на все пуговицы. Узловатые пальцы еще раз бережно пробегаются по экзаменационным билетам, разложенным на столе. Долговязый студент уверенно протягивает зачетку, слегка приподнимает один билет. Не переворачивая, кладет назад и тут же, не медля ни секунды, берет другой. Не меняя брезгливого выражения лица, профессор равнодушно следит за этими манипуляциями. Студент вчитывается в вопросы: «Фома Аквинский и его доказательства бытия Бога», «Абсолютизм Гегеля». Пауза. Студент хмыкает, словно говоря: «знаю». Профессор жестом предлагает ему садиться за свободный стол.

Листок, ручка; ответ выстраивается по заранее намеченному плану. Немного биографических сведений, пара-тройка дат, затем, собственно, суть и содержание философских идей.

За соседним столом потеет одгруппник, он пытается по-тихому что-то выпросить, но долговязый не желает отвлекаться. Он вообще не любит кому-то помогать на экзаменах – это сбивает и может навлечь гнев преподавателя. Не то чтобы студент очень этого боялся, просто считал, что каждый должен выкручиваться сам. Ну вот, потерял мысль. Надо бы цитатку вернуть. «Любить кого-нибудь означает желать этому человеку только добра». Не в тему, но сказать все равно можно, это только украсит ответ.

Первый незачет. Одгруппник демонстративно хлопает дверью. Ага, а вот и наш черед.

Студент спокойно проходит по аудитории, садится напротив преподавателя, кладет перед собой исписанный лист.

– Пожалуйста ваш билет. Можете начинать.

Студент глубоко вздыхает, усаживается поудобнее и приступает. Четкие формулировки, правильно выстроенные фразы. Профессор благосклонно внимает:

– Теперь о космологическом доказательстве.

– Да-да, – подхватывает студент и продолжает.

– Известно, – старичок профессор делает доброжелательное лицо, и студент понимает: вопрос, который сейчас последует – не повод снизить оценку, – что Канту приписывают шестое доказательство Божественного бытия. Согласны ли вы с ним?

Для студента это «шестое доказательство Канта» мелькнуло очередным занимательным фактом, который стоило запомнить, чтобы при случае блеснуть в «умной» беседе или на том же экзамене. И теперь, стараясь угодить чудаковатому профессору, студент разливается соловьем. Он умело жонглирует философскими понятиями, рассуждая о «морали» и «нравственности». Слова даются ему легко, красивые, ничего не значащие слова. Он как никогда вдохновлен и раскован. Профессор неожиданно для студента пускается в рассуждения:

– Замкнутость пространства – не проблема, если видеть во всем бесконечность. Ощущение бесконечности, как многие считают, и рождает в нас веру. Если хотите, в самом человеке сосредоточено все – бесконечность, Бог, добро и зло. В нем сокрыто гораздо больше, чем принято считать. И все известные доказательства – лишь порождение бесконечности идеи человеческой...

Студент поддакивает, особо не вслушиваясь – за порогом аудитории томится лето, стучат каблучки, отличная оценка в кармане, хорошее настроение обеспечено – зачем ему эта старческая болтовня? Увлеченно жестикулируя, кивая самому себе седой головой, профессор что-то говорит, говорит...

Минут пятнадцать спустя долговязый студент вальяжно покуривал у входа, рассеянно отвечая на традиционное: «Ну как, сдал?». Хихикали первокурсницы, слизывая с пальцев рас-

таявшее мороженое. Недалеко на стройке вколачивали сваи, подъемный кран тащил вверх бетонную плиту, а внизу, воздев руки, как шаман, стоял рабочий в ослепительно оранжевой каске.

3

Ты слышишь шаги и просыпаешься. Смена идет. Квас спит как убитый, ты легонько толкаешь его в бок. Шуришься, вглядываешься в лица, обмениваешься коротким рукопожатием. Обратный путь. В воздухе висит водяная пыль. У центральной калитки дожидаясь остальных. Они задерживаются – наверно, заговорились со сменщиками. Нестерпимо холодно после сна, даже такого недолгого. Трясутся руки. Ты с трудом закуливаешь. Из-за поворота появляется Степа, за ним – сторбленный Макар на своих ходулях. Последним ковыляет Зоги, вид у него совсем жалкий.

У входа в казарму – пунцовый лоскут с белыми буквами: «Воин, гордись службой».

– Прибавь ходу, воин, – Степа легонько подталкивает тебя в спину. – Нас ждут великие дела... ужин!

Тебе сообщают, что старшина в каптерке, вы строитесь для доклада.

– Становись, равняйся, смирно, – напарники нехотя вытягиваются. – Товарищ старший прапорщик, третья смена прибыла без замечаний и происшествий, старший патруля ефрейтор...

– Что головой машешь, – он лично тебе, – дураком растешь. Разоружайтесь.

Квас смотался за табуретками, вы становитесь напротив КХО и начинаете чистить автоматы.

– Есть ветошь? – спрашивает Зоги.

Ты отрываешь кусок, протягиваешь ему. Интересно, знает ли старшина о найденной сигарете? ... Ты разбираешь автомат – шомпол выбивается ребром ладони, коробка, возвратный механизм, газовая трубка... Ротный, тот точно своих угроз не забудет. Тем более что Зоги и так недавно отличился – заснул в патруле, у неработающего извещателя. ... И откуда в дульнике автомата столько грязи?... Напарник из молодых тоже храпел за милую душу, но с него спрос другой. На связь они вовремя не вышли, оператор попался дюже мнительный, поднял всех на уши. ... Насухо протираешь все детали, смазываешь маслом... Подорвалась тревожная группа. Зоги били трое – дежурный, оператор, а старшина закончил экзекуцию парой звонких пощечин и посулил: «Ты у меня говно будешь весь день черпать». И Зоги черпал, как и салага-напарник, и не раз. ... Компенсатор прикручивается со скрипом, значит, в резьбе остался песок... Особо отличившихся послали чистить деревянный туалет. Боевая задача – ведрами выгребать из дырок содержимое до тех пор, пока у ротного, по его же словам, «голова не закружится от высоты». В свое время Кваса так и не заставили взять в руки ведро. Он молча сплюнул и отошел в сторону, мол, делайте с ним что хотите. Кто-то в это время заходил в нужник, черпал, выходил, морщился. Воняло ужасно, особенно из той ямы за забором, в которую сливали густую жижу. Квасу досталось, и сильно, но он был тверд и внятен, и боялся не побоев, а того, что его макнут в туалет головой. Тогда все обошлось, но лезвие в шапке Кваса, должно быть, прячет и до сих пор.

– Принимай, – обращаешься ты к сержанту.

Тот отводит затвор – проверяет, был ли сделан контрольный выстрел после сборки, отпускает его, раздастся щелчок.

После ужина вторая смена традиционно отправляется чистить картошку. До этого вы с Квасом стояли на крыльце запасного входа в столовую. Ветер застревал в черных ветвях тополей. За бетонным забором торчало жутковатого вида здание; в нем по ночам никогда не горели окна. Ты курил. Квас, непривычно молчаливый, примостился на ступеньке и при свете фонаря читал письмо. Калека-фонарь скособочился в его сторону, украдкой, одним глазком заглядывая в исписанный листок...

Макар сидит на подоконнике и ничего не делает. Зато сразу накидывается на вас с Квасом:

– Что, дембеля охуенные, гаситесь, картошку чистить не положено, что ли?

Степа молча подвинулся, протянул тебе нож. Картошка мелкая, сморщенная. Зоги потеет и чешется. Квас с ножом в руках словно застыл над раковиной.

– Что с ним? – тихо спрашивает Степа.

Ты пожимаешь плечами. Макар лениво болтает ногой. Верхняя пуговица на кителе расстегнута, что ты, он же дембель, не лука мешок. Подшива толстая, как матрац. От Макара разит запахом казармы, каким-то дешевым одеколоном и краской.

– Дай курить, ефр.

– Только устав. Будешь?

Макар недовольно кривится:

– Хорош пиздить.

– Правда, нет других.

Хлопнув всеми возможными дверями, проносится старшина. Он приказывает поварам приготовить ужин, напоминает, чтобы не забыли порезать сало, и удаляется. Услышав заветное слово «сало», вы со Степой переглядываетесь. Повара куда-то сваливают, теперь дело за малым – быстро и незаметно пробраться к холодильнику. Вы крадетесь через кухню, стараясь не оставить следов на полу – здесь нельзя ходить обутым в берцы, только в шлепанцы. Нарезанное ломтиками сало лежит на тарелке, ты берешь пару кусочков, Степа захватывает немного масла. В наряде по кухне сегодня Горелый, Степа шепотом окликает его, тот, будто нарочно, неуклюже ковыляет к вам, умудряясь поскользнуться, потерять тапочек, снова надеть его. Дверь в кухню открывается, в проеме маячит старшина, он разговаривает с кем-то в коридоре, но в любой момент может обернуться, и тогда пиши пропало.

– Хлеба принеси, – успевает шепнуть Степа Горелому, и вы поспешно скрываетесь. Над раковиной одиноко склонился Зоги – Макар с Квасом успели уйти. Вы прячете добычу под перевернутый дуршлаг, и как раз вовремя – появляется старшина.

– Где эти? – имеются в виду повара.

– Не знаю, товарищ старший прапорщик, – притворно вздыхает Степа. Старшина принимается за тебя:

– Что скрючился?

– Не могу знать, товарищ старший прапорщик, спина, наверно, болит.

Старшина сверлит тебя взглядом.

– Ты-то хоть полудурком не будь, мне вон того красавца за глаза хватает, – кивает он в сторону Зоги. Зоги теребит закатанный рукав, пытается улыбнуться.

– Не лыбься, глядишь, и за умного сойдешь.

В дверях возникает один из поваров, весь в белом, как привидение. Старшина заводится с пол-оборота и начинает орать:

– Ты где шляешься, дебил?

Он хватается повара за шкурку и уводит на кухню. Оттуда сразу же доносится звон и грохот, на кафельный пол летит посуда.

– Нехороший ты человек, Косой, – тянет Степа с характерным акцентом. – Злой, как собака.

Старшина разоряется. Он вопит что-то о порядке, кастрюлях и сале. Шум усиливается. Надо поскорее сматываться. Картошка вроде почищена, остается прибраться.

– Давай, Зоги, убери тут, а мы пойдем, а то подшиться не успеем – ты открываешь шкафчик, чтобы забрать бушлат. Зоги ноет, дескать, он тоже не подшитый, полы мыть не будет, сами мойте.

– Вымоешь раковину, а на полы мы сейчас кого-нибудь пришлем, – Степа достает из-под дуршлага спрятанное сало.

Вы выскакиваете на улицу, на ходу, не попадая в рукава, натягиваете бушлаты, ныряете за овощной склад.

– Ну что, так заточим, без хлеба, или подождем чуток? – спрашивает Степа.

На крыльцо выходит Горелый, смотрит по сторонам. Заметив вас – ты легонько свистишь, подзывая его, – Горелый, озираясь, трусит к складу.

– Принес?

Он утвердительно кивает, сует вам два куска черного хлеба и торопится обратно.

Вы садитесь на холодную плиту и начинаете священнодействовать. Аккуратно разламываете хлеб. На одну половинку кладете колесико масла, затем – кусочек сала, сверху накрываете все это дело оставшимся хлебом. Жмурясь от удовольствия, ме-е-едленно-медленно жуετε. Сало тянется, как ириска.

Степа шарит в вентиляционной трубе склада и выуживает оттуда печенье.

– Шоколадное, – с гордостью заявляет он.

– Ничего себе. Где ты это откопал?

– А, еще с той посылки запрятал. Угощайся, – Степа протягивает тебе печенюшку.

– Спасибо.

Ты, продолжая жевать сало, набиваешь рот печеньем. Вкуснотища – язык проглотишь. Вы по-братски делите остатки – ты откладываешь пару печенюц для Кваса, Степа – для Зоги.

В казарме ты бросаешь беглый взгляд на свою кровать – заправлена по всем правилам, одеяло кантиком. Ты сворачиваешь в бытовку, снимаешь китель, смотришь на часы. Решаешь подшиться. В умывальной комнате – никого. Народ уже разошелся, кто-то забыл бритвенный станок на раковине. Отрываешь подворотничок. Делаешь все по правилам: сначала стираешь ткань мылом, потом – зубной пастой. Потом тщательно проглаживаешь утюгом, складываешь в четыре слоя, а потом подшиваешь – двенадцать стежков сверху, шесть снизу. В бытовку заглядывает Вятый. На руке, как полотенце у предупредительного официанта, аккуратно висит белоснежная подшивка чуть ли не с палец толщиной. В другой руке – китель, причем китель явно чужой. Воротник подбит, приглажен. Вятый садится напротив и неловко спрашивает:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.